

На правах рукописи

РАХМАТУЛЛИНА ЭЛЬВИРА АЛЬБЕРТОВНА

**МЕТАЯЗЫК ПОЭЗИИ Ю.КУЗНЕЦОВА
В ТРАДИЦИЯХ МИРОВОЙ МИФОЛОГИИ**

Специальность 10.02.01 – русский язык

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Ижевск 2004

Работа выполнена в Государственном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Удмуртский государственный университет»

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Донецких Людмила Ивановна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Лаврова Светлана Юрьевна

доктор филологических наук, профессор
Пушина Наталья Иосифовна

Ведущее учреждение: ГОУВПО «Воронежский государственный педагогический университет»

Защита состоится «18» мая 2004 года в 10 часов на заседании регионального диссертационного совета ДМ 212.275.06 при ГОУВПО «Удмуртский государственный университет» по адресу:
426034, г. Ижевск, ул. Университетская, 1, корп. 2, ауд. 204.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Удмуртского государственного университета.

Автореферат разослан «__» апреля 2004 года

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук, доцент

Н.И.Чиркова

Реферируемая работа посвящена изучению языковых моделирующих форм (мифа и притчи) в идиостиле Ю.Кузнецова.

При изучении дихотомии формы и содержания мы входим в область функционирования метаязыка. Метаязык представляет собой естественный семантический язык, основанный на лексических универсалиях, посредством которого можно описать, в частности, подсознательные аспекты культуры общества [Вежбицкая 2001].

Выделение метаязыка играет особую роль при анализе поэтического текста, поскольку художественный текст относится к «вторичным знаковым системам». Такое понимание языка лежит в основе центральной для концепции Ю.М.Лотмана идеи *первичной семиотической моделирующей системы*. Все прочие семиотические системы осознаются как вторичные, надъязыковые, использующие его структурно-понятийные возможности.

Мы рассматриваем *метаязык* как вторичную моделирующую систему, которая реализуется в художественном тексте посредством определенных поэтических форм (миф и притча).

Использование структурно-семантических особенностей мифологического дискурса позволяет Ю.Кузнецову обратиться к генетической прапамяти, выражающей народную мудрость, к общечеловеческим ценностям, вечным вопросам, органическим корням индивидуального и коллективного бытия. Притча погружает наше обыденное конкретно-историческое сознание в широкий метаисторический контекст, тем самым эксплицируя проблему выбора и авторский путь решения экзистенциальных вопросов.

Актуальность диссертационной работы определяется важностью и широтой проблем, связанных с включенностью мифа в сознание современного человека, в национальную культуру и язык. В настоящее время никто не отрицает значимости категории мифа в системе гуманитарных наук. Исследования последних десятилетий показали, что мифология присутствует практически во всех областях культуры, являясь экспликатором национальной ментальности и обеспечивая универсальный синтез знаний.

Современная научная парадигма, в русле которой выполнена работа, предполагает учет достижений социо- и психолингвистики, литературоведения, философии, культурологии, этнографии, семиотики, лингвопоэтики. Переход от лингвистики описательной и классификационной к лингвистике антропологической стал возможен благодаря теории генеративизма В.фон Гумбольдта [В.фон Гумбольдт, 1985], в которой выделяется основной постулат: язык необходимо рассматривать как феномен менталитета и человеческой психики.

Изучение генетики языка через призму ментальных архетипических представлений и мифологем [Р.Барт 1989, Э.Кассирер 1998, К.Леви-Строс 1985, Ю.М.Лотман 2000, М.М.Маковский 1996, А.А.Потебня 1989, В.Н.Топоров 1995, Б.А.Успенский 1994 и др.] предполагает два взаимосвязанных аспекта: *семантический* и *структуральный*, которые характеризуют четыре вектора, обозначившие в диссертации подходы к описанию мифологического дискурса:

1 – миф как символическая система [А.Абдуллин 1999, М.Евзлин 1993, Э.Кассирер 1998, Ж.Лакан 1995, К.Леви-Строс 1985, В.Тэрнер 1983];

2 – миф как текст [Р.Барт 1989, А.М.Пятигорский 1997];

3 – миф как моделирующая система [В.В.Иванов 1965, Ю.М.Лотман 2000, В.Н.Топоров 1993];

4 – миф как язык [М.М.Маковский 1996, В.А.Маслова 1999, В.М.Мокиенко 1999, А.В.Смирнов 2001, И.М.Топешко 2000].

Обобщение имеющихся теорий мифа, акцентуация внимания на нерешенные проблемы (о соотношении языка и метаязыка в мифе, о механизмах репрезентации мифологического дискурса, о структуре мифа, фундаментом которого является языковой уровень) позволили предложить один из вариантов разработки понятия «миф» в идиостиле Ю.Кузнецова.

Новизна работы обусловлена комплексным подходом к изучению творчества одного из самых талантливых современных поэтов России Ю.Кузнецова, которое еще не попадало в поле зрения лингвистов. Этот подход объединяет принцип лексикографического описания слова, успешно применяющийся по-

следователями Б.А.Ларина, и антропологический принцип, получивший развитие в последние годы в рамках когнитивистики и культурологии.

В диссертации сделана попытка определить статус мифа и притчи как ментальных языковых форм художественного текста, актуализирующих эстетические значимости в поэтике Ю.Кузнецова и воплощающих его поэтическое самосознание.

Объектом исследования стали две формы, репрезентирующие авторскую картину мира в поэтическом тексте: амбивалентная – формирует вариативность смыслов (миф) и моновалентная – содержит запрограммированное имплицитное значение (притча).

Материалом для исследования послужила индивидуально-речевая система Ю.П.Кузнецова, вербализованная в поэтических текстах. Общественная и эстетическая позиция Юрия Кузнецова, специфика его художественного творчества позволяют говорить о правомерности выбора. Поэзия Юрия Кузнецова, неоднократно подчеркивавшего связь своей поэзии с традицией мировой мифологии и славянской культурой, помогает приблизиться к пониманию многих вечных истин и одновременно осознать насущные требования современности: осознать, что экономические и политические задачи нам не решить, не решив духовных задач; осознать, что никто не прав абсолютно, а значит, необходимо искать пути к единению.

Цель работы – определить сущность мифа и притчи как языковых моделирующих форм, реконструировать мифо-притчевую организацию модели мира Ю.Кузнецова. В соответствии с целью решаются следующие **задачи**:

- Представить аспекты теоретического изучения проблемы мифа и притчи в современной научной парадигме, обозначить истоки исследования данных категорий.
- Выделить категориальные признаки мифа и притчи в языковой и метаязыковой плоскости.
- Охарактеризовать структурные компоненты мифологического дискурса.
- Установить значение символа и метафоры в архитектонике мифа и притчи.

- Доказать, что миф является языковой моделирующей формой. Определить место притчи в плоскости метаязыковых форм.
- Представить собственное понимание сущности данных категорий на основе выявления механизмов экспликации метафоры и символа в художественном тексте Ю.Кузнецова.
- Исследовать конкретные мифы (космогонические, эсхатологические) в творчестве Ю.Кузнецова.
- Соотнести притчевое начало в поэмах с нравственно-этическими категориями.

В работе обоснована необходимость **методики** комплексного анализа мифа как языковой формы, определяющей специфику реализации авторской картины мира в художественном тексте. Исследование опирается на достижения русской филологической мысли конца XIX и XX веков, а также работы французских, немецких, американских ученых в области стилистики, лингвопоэтики, социо – и психолингвистики.

Важнейшим **методологическим принципом**, лежащим в основе исследования, является органическое единство формы и содержания, проявляющееся в раскрытии динамики смыслопорождения художественного текста.

Реализация указанного принципа потребовала сочетания различных **методов и приемов**: сплошной выборки материала исследования; метода ассоциативно-семантического поля, контекстуального анализа, компонентного анализа с опорой на словарные дефиниции, этимологического анализа при описании языкового уровня мифа; концептуального метода выявления общечеловеческого и национально-специфического содержания символа и мифологемы; метода реконструкции при актуализации модели мира Ю.Кузнецова.

В соответствии со структурой мифологического дискурса предлагается новая методика анализа мифа в идиостиле автора, состоящая из пяти этапов: от ключевой лексики через метафору и символ к мифологеме.

На первом этапе выделяются существительные, функционирующие в тексте, определяется их номинативное значение, анализируются исходные словарные дефиниции.

На втором этапе путем анализа этимологического компонента значения, выявления узуального ассоциативного поля лексемы, определения ее валентностных возможностей актуализируются лексические мотиваторы, которые выступают в качестве ассоциатов исходного объекта – лексемы, определяется их количество.

На третьем этапе с помощью анализа материалов различных словарей символов и исследований, посвященных реконструкции частных составляющих индоевропейской картины мира, устанавливаются метафорические образ-схемы, получившие реализацию либо в контексте коллективного сознания, либо в авторской языковой картине мира.

На четвертом этапе выявляются символы, соотносимые с мифологемами (определяются по различным мифологическим энциклопедиям или по отдельным монографиям), отмечается наличие или отсутствие одинаковых экспликаторов смысла, намечаются точки их пресечения.

На пятом этапе соотносятся традиционное и индивидуально-авторское в моделируемом мифологическом дискурсе, делается обобщающий вывод о взаимосвязи формы мифа с эстетическими установками Ю.Кузнецова.

Блендинговый и полевой подходы, когнитивное моделирование увеличили уровень функционального погружения в исследование слова. Это открыло художественный мир поэта как единую систему, обладающую особой структурно-семантической организацией, своим метаязыком, выходом в интертекст, в сферы славянской и мировой культуры.

Теоретическая значимость работы определяется достигнутыми результатами:

миф и притча впервые параметрированы как единицы художественного сознания и авторского мышления, с одной стороны, и формы художественного текста, с другой;

впервые структурно-семантические особенности мифологического дискурса представлены в образ-схеме, отражающей взаимосвязь конструктивных элементов мифа (слово, метафора, символ, мифологема), при этом метафора и символ рассматриваются в качестве ментально-языковых механизмов экспликации мифа и притчи в авторской модели мира.

Разработана новая методика компонентного анализа художественного текста.

Практическая значимость работы связана с возможностью использования методики и ее результатов в курсах «Лексикология» (особенно при освоении принципа антропоцентризма и лингвокультурологических аспектов анализа лексем), «Лингвистический анализ текста», а также с разработкой на ее основе спецкурсов и спецсеминаров, посвященных исследованию идиостиля писателя.

Результаты диссертационного исследования могут оказаться востребованными в лексикографической практике при подготовке словарей тезаурусного типа, словаря русской поэтической речи XX века и послужить дальнейшему развитию междисциплинарных связей между традиционной и когнитивной лингвистикой.

Положения, выносимые на защиту:

1. Языковое кодирование и репрезентация авторской картины мира осуществляются писателем при помощи различных метаязыковых моделирующих форм. В поэтике Ю.Кузнецова функционируют две смыслопорождающие формы: амбивалентная - формирует вариативные смыслы (миф) и моновалентная – реализует запрограммированное имплицитное значение (притча).
2. Миф является языковой формой, которая моделирует эстетическое пространство художественного текста и тем самым актуализирует универсалии мифологической картины мира.
3. Структура мифа, которую образуют метафора, символ и мифологема, соотносима с трехкомпонентной структурой слова, так как миф надстраивается над уровнем языковым, приобретая свойства метаязыка.

4. Символ – это инвариантная лингвоментальная модель, состоящая из ядра (основной объект метафоры), центра (ассоциативно-вербальное поле вспомогательного объекта метафоры) и периферии (онтологические ассоциации, являющиеся доминантными для данного языкового коллектива или автора произведения).
5. Обобщая и конденсируя идею мифа, символ выполняет функцию декодирования смысла мифологического дискурса и экспликации мифологемы. При этом актуализируется связь индивидуально-авторских символов с традицией национального употребления и с универсальной мифопоэтикой, имеющей индоевропейские корни.
6. Метафора предстает как основная ментальная операция, которая объединяет две понятийные сферы (исходный объект и вспомогательный объект) и создает возможность использовать ассоциативный потенциал сферы-источника при концептуализации новой сферы.
7. Притча в поэтике Ю.Кузнецова рассматривается как языковая моделирующая форма, актуализирующая славянскую культурную парадигму в отличие от мифа и противопоставленную ему в своей жанровой специфике.

Апробация работы осуществлялась в виде докладов и сообщений на XXVI и XXVII Итоговой студенческой научной конференции УдГУ (Ижевск, 1998, 1999гг.), на XXXVI Международной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс» (Новосибирск, 1998), на V Короленковских чтениях (Глазов, 1999), на V Российской университетско-академической конференции (Ижевск, 2001), на Всероссийской научной конференции «Текст – 2000: теория и практика» (Ижевск, 2001), на Международной научной конференции, посвященной 85-летию проф. Б.Н.Головина (гНижний Новгород, 2001), на Международной научной конференции «Изменяющийся языковой мир» (Пермь, 2001), на Всероссийской научной конференции «Лингвистические и эстетические аспекты анализа текста и речи» (Соликамск, 2002), на Международной конференции студентов, аспирантов и молодых преподавателей (Ижевск, 2002), на III Межвузовской научной конференции студентов и

молодых ученых (Ижевск, 2003), на научном семинаре, посвященном лингво-поэтическому толкованию текста (Ижевск, 2004).

Доклады, представленные на Международную научную студенческую конференцию «Студент и научно-технический прогресс» (Новосибирск, 1998) и III Межвузовскую научную конференцию студентов и молодых ученых «Неделя молодежной науки Удмуртской Республики» (Ижевск, 2003), были отмечены дипломами второй степени. По теме диссертации опубликовано 14 работ.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, библиографии, насчитывающей 335 наименований, и приложения. В приложении приведен список используемых в работе сокращений. Общий объем работы 219 страниц. Основной текст 189 страниц.

Основное содержание работы

Во **введении** обосновываются выбор материала исследования, актуальность избранной темы и поставленных проблем; сформулированы цель и задачи работы; определены ее методологические принципы и научно-практическое значение; описана предлагаемая методика анализа мифологического дискурса; обозначена новизна научного поиска; представлены положения, выносимые на защиту.

В **главе I** «Репрезентация мифа и притчи в художественном произведении» представлены направления современной лингвистики, которые исследуют данные категории в различных аспектах их функционирования и оказываются особо значимыми в диссертационной работе. Дается и обосновывается определение мифа как языковой моделирующей формы. Рассматривается структура мифа и притчи через соотношение конструктивных элементов: метафоры, символа, мифологемы.

В соответствии с нашей гипотезой, современный человек несет в себе рудименты мифологической культуры, включая мышление, осознание и соответствующее восприятие, что и позволяет реконструировать миф в любом поэтическом тексте.

Если на ранних стадиях изучения мифологического сознания важно было акцентировать отличие мифологического мировосприятия от мировосприятия человека XX века – так была выявлена специфика мифологического сознания, – то в нашем исследовании исходим из предпосылки о сходстве, которое может быть обнаружено между диахроническим и синхронным состоянием мифа.

Поддерживая идею Р.Барта о том, что существуют общие закономерности мифологического мышления, которые могут реконструироваться в современной литературе и выступать мифопорождающей моделью, определяем миф как *языковую моделирующую форму*.

Такой подход возможен только в рамках семиотики, которая позволяет осуществить комплексный анализ мифа, учитывая достижения современной мысли (миф как символическая система, как текст, как моделирующая система, как язык). В рамках знаковой теории языка выявляются такие особенности мифа, как его связь с мышлением и с материальной действительностью, его историческое происхождение и функционирование, его бесконечная семантическая валентность, его вечная и творческая подвижность.

Очевидно, что язык и метаязык, создавая миф, соединяются, поэтому имеют общие уровни. Хотя слова и продолжают оставаться элементами языка, в мифе они начинают функционировать как пучки дифференциальных отношений, приобретая многочисленные семантические корреляции и тем самым превращаясь в предельно обобщенный символ.

Структура мифа как вторичной знаковой системы строится по модели языковых отношений и использует структуру языка в качестве основы, поэтому миф является *моделирующей системой*.

Полагаем, что механизмы порождения мифа как вторичной моделирующей системы, субъективные и надсубъективные смыслы могут быть вскрыты на основе рассмотрения картины и модели мира, которые, в свою очередь, реконструируются на основе совокупности данных лингвистики, фольклористи-

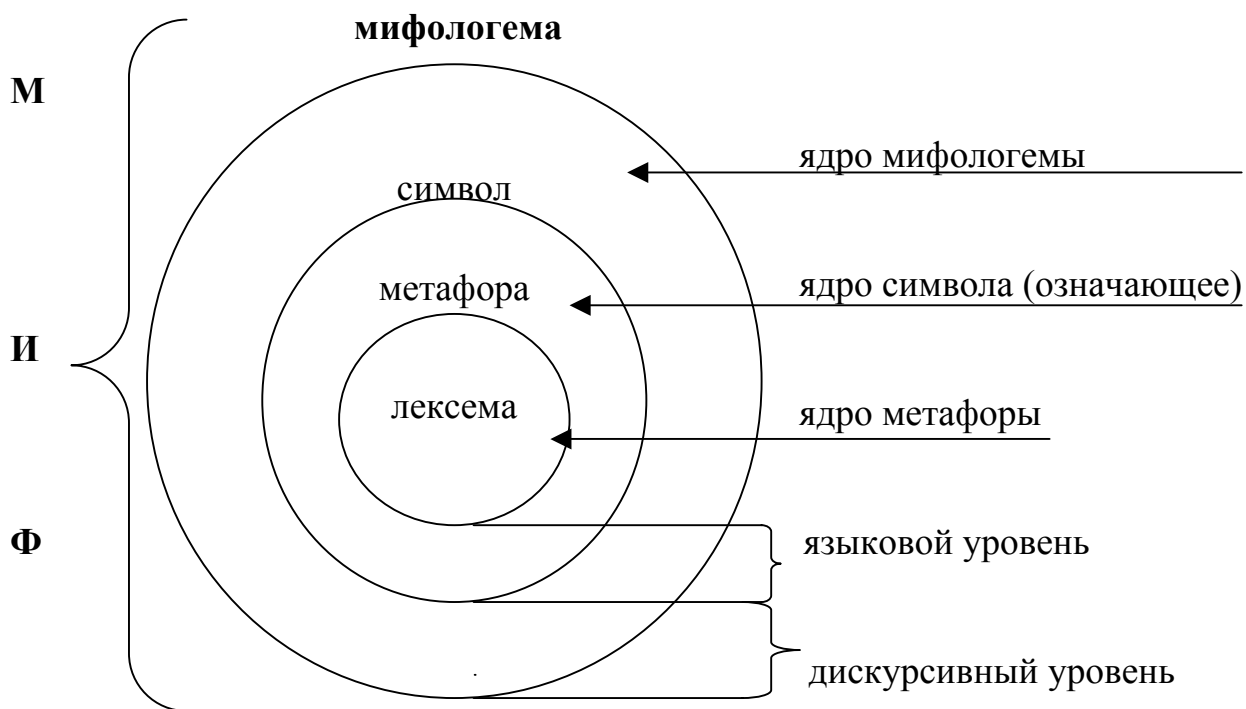
ки, искусствоведения, этнографии и других гуманитарных наук.

Именно мифологическая картина мира репрезентирует идейно-содержательный и эмотивный аспекты мифологического дискурса, так как посредством картины мира происходит экспликация субъективных установок автора (аксиологических, эмотивных, смыслообразующих). Реальная действительность отражается в виде картины мира, которая структурируется при помощи и посредством модели мира, а эта последняя в свою очередь, репрезентируется и субъективируется автором с помощью семиотических систем второго порядка, в частности, мифа.

Статус *мифологической модели мира* определяем как актуальный в современной действительности. При этом отношения между мифологической моделью и языком предлагается рассматривать в кругу идей о взаимосвязи формы и содержания, развивающихся в знаковой теории языка.

Французский структуралист А.Ж.Греймас предлагает рассматривать семиотический объект, то есть моделирующую систему, в качестве «порождающей формы» [Греймас, Курте 1983]. Миф является именно такой порождающей формой, актуализирующей свое значение в процессе коммуникации. В качестве реципиента, воспринимающего текст, мы движемся от формы (мифа) к содержанию, автор же движется от содержания к форме. Именно такова диалектика формы и содержания в мифе.

В ходе работы были осмыслены структурно-семантические особенности мифа и представлены в виде пространственной образ-схемы:

В мифе можно обозначить два уровня: *языковой* и *дискурсивный*. Отношения между элементами мифа аналогичны трехкомпонентной структуре знака (слово, значение, метафорический образ). При этом *метафора* трактуется как основная ментальная операция, возможная благодаря аналоговым способностям мышления, которая объединяет две понятийные сферы (исходный объект и вспомогательный объект) и использует ассоциативный потенциал исходного слова.

В структуре мифа метафора является результатом языкового уровня и приобретает коннотативные смыслы в контекстуально-композиционном пространстве текста. Эксплицируя на основе семантической валентности, этимологии слова, узуального ассоциативного поля лексемы имплицитные компоненты двух семантических структур (основного и вспомогательного объекта метафоры), можно говорить об ассоциациях, лежащих в основе метафорического высказывания.

Как элемент второго уровня метафора способна превращаться в свою знаковую разновидность – *символ*. Символическое значение реализуется при контаминации ядра (метафоры), связующего звена – ассоциата и периферии (онтологических ассоциаций, отражающих самые глубокие слои общечеловече-

ской культуры, национально-специфическое видение мира, принадлежность автора к определенной культурно-исторической эпохе). На основании содержания ядра и периферии идет разворачивание символической структуры в тексте.

Обобщая и конденсируя идею мифа, символ (ядро мифа) выполняет функцию декодирования смысла мифологического дискурса и экспликации *мифологемы*. Как ядро мифа символ обладает условно бесконечной смысловой валентностью, так как в основе лежит механизм реализации ассоциативных связей. Ядро мифа служит смысловым стержнем дискурса и пронизывает его семантическими связями, актуализируя составляющие мифологической модели мира – мифологемы.

Вслед за Н.А.Афанасьевой под мифологемой мы понимаем «свернутый текст, эксплицирующийся в слове или сочетании слов знакового характера» [Афанасьева 2001, с.14]. Имя, репрезентирующее миф, и есть мифологема. По справедливому замечанию большинства исследователей [А.Лобок, А.Ф.Лосев, Ю.М.Лотман, М.Милушкевич, Я.В.Погребная], очевидно значение имени для мифа. При этом имя понимается не только как собственное, но и вообще – как название предмета. Именно мифологема актуализирует миф в художественном тексте в силу того, что обладает способностью концентрировать в себе целые сюжеты.

Исследование поэтики Ю.Кузнецова позволило предположить, что притча также может быть охарактеризована как языковая моделирующая форма в силу того, что является метаязыком, который надстраивается над языковым уровнем. Поэтому притче присущи основные параметры языковой системы: структура, функциональная связь всех элементов, принцип аналогии в построении моделей, принцип бинарных оппозиций.

Однако при всем своем сходстве миф и притча обладают концептуальными отличиями. Обобщим наблюдения в таблице, учитывая языковую и дискурсивную специфику исследуемых категорий:

Категориальные признаки	Миф	Притча
1. метафора	индивидуально-авторская	базисная
2. символ	доминирует как в мировом, так и в славянском ментальном пространстве	доминирует в славянской культурной парадигме
3. бинарные оппозиции	амбивалентность	ярко выраженная положительность и отрицательность
4. семантическая структура	поливалентная	моновалентная
5. логико-повествовательная структура	не имеет отличительных признаков	дизъюнктивность и имплицативность
6. особые жанровые признаки	не имеет	императивность, дидактизм
7. категориальные признаки характеризуются как...	языковые	жанровые

Таким образом, миф и притча противопоставляются не в языковой плоскости, а в пространстве дискурса (если под дискурсом понимать последовательность семантически выразительных знаков, образующих сообщение, идеологически важное в данной культуре), так как особые признаки притчи обусловлены ее жанровой спецификой.

В главе II «Мифологический дискурс в авторской картине мира Ю.Кузнецова» исследуется функционирование мифа в стихотворениях поэта. Рассматриваются способы репрезентации мифологического дискурса через систему традиционных символов, наполненных индивидуально-авторским содержанием. Семантические приращения символов представлены в виде ассоциативно-вербальной сети исходных объектов метафорических значений. Выявлены различные степени индивидуализации традиционных доминантных смыслов (как общемировых, так и национальных), симбиозные языковые моделирующие формы мифа и притчи в одном тексте.

Представим предложенную методику анализа мифологического дискурса на примере одной строки стихотворения «Я пил из черепа отца...»:

Я пил из черепа отца.

За правду на Земле,
За сказку русского лица
И верный путь во мгле.
Вставали солнце и луна
И чокались со мной.
И повторял я имена,
Забывшие землей. (1977 г.)

В авторской картине мира космогонический миф, обозначенный в этом поэтическом тексте, эксплицирует механизм создания небесных тел, являясь моделью ритуала (возлияние). Космогония моделируется автором как в высшей степени драматическое событие – жертвоприношение. Однако в процессе творения создается Божественная гармония в отличие от окружающего ее Хаоса. Мифологемы **демиург** и **модель вселенной** репрезентируются в тексте индивидуально-авторскими символами, которые функционируют как в мировой традиции, так и славянской.

Экспликаторами национально-специфического видения мира являются метафоры **Правда→небо, мать→земля** и **сказка→счастливое будущее**. Разветвленной ассоциативно-вербальной сетью обладают лексемы «череп», «земля», «солнце», «луна», «имя», которые являются в стихотворении символическими константами, восходящими к индоевропейской культурной традиции.

Моделируемый в тексте мифологический дискурс обогащает значение символов и трансформирует его в новое качество, обновляя при этом традицию употребления. В результате форма мифа получает индивидуально-авторское наполнение, актуализирующее и культурно-исторический, и обобщенно-философский контексты. С одной стороны, на поверхности лежит биографическая мотивация, которую замечают прежде всего: безусловно, стихи повествуют о жестокости мира, в котором целое поколение – поколение поэта – лишилось возможности общаться с отцами. С другой стороны, мифологическая концепция постоянного возрождения через Со-творчество, Со-зидание не просто воспроизводит в авторской картине мира космогонический миф, она проециру-

ет его на новый культурно-исторический фон. Действие нового мифа разворачивается в славянском, русском пространстве.

Анализ лексемы «череп» (основной объект метафоры) является идиопредставляющим. Значение, зафиксированное словарем, «череп – скелет головы позвоночного животного и человека», «о верхней части головы, о голове» [БАС, т. 17, с. 872], эксплицирует два вспомогательных объекта: **скелет** и **голова**. Следовательно, устанавливаются ассоциативные отношения: череп-скелет и череп-голова. Данные ассоциаты не входят в узвальное ассоциативное поле лексемы череп [РАС, кн.6, с.306]. Однако значение слова «череп» является ядром семантической структуры и таким образом выражает исходные ассоциативные отношения. При этом ассоциаты **скелет** и **голова** становятся лексическими мотиваторами основного объекта метафоры, эксплицируя этимологический компонент значения.

Представим только структуру **череп-голова**, функционирующую в первой строке стихотворения.

Вспомогательный объект **голова** на базе этимологического значения актуализирует два ассоциата: 1 – **небо** (ср. и.-е. *ker-/*kel- «голова», но лат. caelum «небо»; др.-англ. heafod «голова», но др.-англ. heofon «небо»; и.-е. *uer- «верх, голова», греч. οὐρανός «небо»), 2 - **кубок** (ср. и.-е. *ker-/*kel- «голова», но и.-е. *ker-/*kel- «кубок») [Маковский 1996, с.117,122]. В ряде случаев значение «небо» соотносится со значением «бог»: ср. англ. god «бог», но англ.-диал. gad «радуга, небо»; валл. oabl «небо», но чеш. obog «великан», отсюда **божество** [Маковский 1996, с.229]. Так, ассоциат **небо** получает коннотативный вектор развития **небо – бог**.

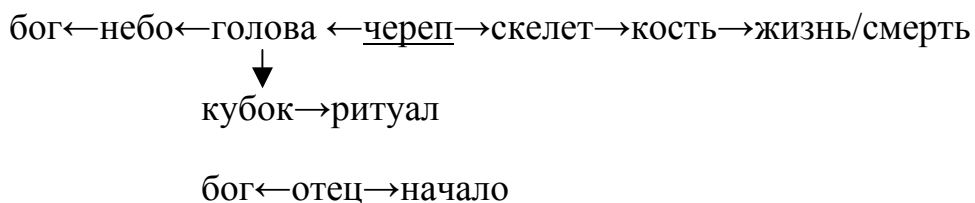
Ассоциативная цепочка **череп – голова – кубок** эксплицирует семасиологические связи лексемы «череп». С одной стороны, ср. латыш. kauss «череп», но др.-англ. husl «жертвоприношение» [[Маковский 1996, с.117], что направляет вектор развития метафоры **череп→кубок**, актуализируя имплицитные ассоциации череп→жертвоприношение→кубок на основании признака 'имеющий отношение к ритуалу'.

Лексико-семантические корреляции слова «череп» дополняют образно-ассоциативный комплекс основного объекта метафоры: **пить – череп – отец – чокаться**. Словесная экспликация глагола, направляющего дальнейший вектор развития ассоциации череп→жертвоприношение→кубок, происходит за счет корреляции пить – из черепа. Лексема «чокаться – слегка ударять своим бокалом (рюмкой и т. п.) о бокал (рюмку и т. п.) другого (в знак приветствия, поздравления и т. п.)» [БАС, т.17, с.1101] выделяет определенную сему в значении «пить». В данном контексте «пить» – значит «выпивать вино, спиртные напитки в честь кого-либо, чего-либо, за исполнение какого-либо пожелания» [МАС, т.3, с.128]. Проследим семасиологические параллели глагола «пить»: ср. русск. жертва, но лит. gerti «пить»; лат. litare «приносить в жертву», но др.-англ. Lid «яблочное вино»; хет. suris «жертвоприношение», но русск. сырой; др.-инд. hu- «лить в огонь», но греч. χεω «лить», авест. zaothra-«жертвенный напиток» [[Маковский 1996, с.150].

Таким образом, метафора **череп→кубок** получает дополнительную цепочку лексико-семантических ассоциаций **пить→приносить в жертву→жертвоприношение**.

Лексема «череп» вступает в коррелятивные отношения и с существительным «отец». Семантическим ядром слова «отец» является значение «мужчина по отношению к детям» [БАС, т.8, с.1364]. При этом выделяется конструктор **отец – мужчина**. Вспомогательный объект **мужчина** конденсирует этимологический компонент значения, выделяя ассоциат **начало**: алб. burrë «человек», но швед. börja «начинать»; др.-англ. secg «человек, мужчина», но латыш. sākt «начинать»; греч. ἀνθρωπος «человек, мужчина», но индо-арийск. adī «начало» [Маковский 1996, с.65-66.]. Ассоциат **начало** поддерживается и переносным значением слова «отец», зафиксированным в словаре: «о родоначальнике, основоположнике чего-либо; об источнике, начале чего-либо» [БАС, т.8, с.1366]. Узуальное ассоциативное поле лексемы «отец» включает в себя стимулы Бог, Бог сын, Бог святой дух, святой, глава, голова, предок, которые актуализируют в контексте дополнительный ассоциат **отец - Бог**.

Вербально-ассоциативное поле лексемы «череп» получает свою реализацию в тексте:

Метафоры разных исходных объектов (**череп** и **отец**) имеют пересекающиеся точки: череп как метонимический заменитель бога (неба) и отец как бог. Метафоры отец→начало и отец→бог накладываются друг на друга и актуализируют единый индивидуально-авторский образ **демиурга**.

Каждая метафора актуализирует авторский доминантный смысл и является экспликатором соответствующего символа.

Вектор развития метафоры **череп**→**кубок** обусловлен тем, что череп является символом ритуала, ритуального действия. Онтологические ассоциации поддерживают лексический уровень развития метафоры **череп**→**кубок**: одним из важнейших элементов языческого сакрального культа было возлияние. Священный напиток служил средством, вызывающим религиозный экстаз. Экстаз же был одной из форм общения с богом, именно возлияние приводило к единению человека с божеством, к божественной гармонии.

Образ-схема **череп**→**небо (бог)** актуализирует **череп** как символ **неба**: округло-выпуклая форма небесного свода послужила основанием, опираясь на которое доисторическая старина уподобила его, с одной стороны, черепу человеческой головы, с другой – высокой горе. Идея соотнесения человека с элементами космоса соответствует традиционной мифологической модели мира, согласно которой между расположением небесных тел и частями тела человека устанавливаются отношения эквивалентности.

На периферии ядра символов актуализируются энциклопедические ассоциации, которые репрезентируют две мифологемы **демиург** и **модель вселенной**.

Космической моделью вселенной является антропоморфная модель. Согласно этой модели человек и космос – едины и в точности повторяют друг друга. Вселенная мыслится как человек-великан. В священной книге древней Индии – Ведах – говорится о том, как боги принесли в жертву гигантского космического человека по имени Пуруша, рассекли тело и из его частей создали видимый мир. Голова Пуруши образовала небо, отсюда **череп** как символ **неба**.

Обобщенная метафора **отец**→**демиург** конденсирует индивидуально-авторское значение отец – символ демиурга, Творца. Онтологические ассоциации актуализируют представления о ритуале, который является моделью космогонического процесса. Участниками этого действия были боги или первые люди, родоначальники.

Таким образом, мифологемы **демиург** и **модель вселенной** эксплицируются в тексте, создавая модель космогонического мифа. Сравним со скандинавским мифом об убийстве Имира: братья убили его и из тела создали мир, при этом череп стал небом. Небо вообще в мифологии – важнейшая часть космоса. Это абсолютное воплощение верха, члена одной из основных семантических оппозиций. С космогоническим актом в макрокосме (отделение неба от земли) Ю.Кузнецов сопоставляет эсхатологический в микрокосме – отделение души, уходящей на небо, от тела, остающегося в земле.

По представленной методике анализа рассмотрены также стихотворения «Пустынник», «Посох», «В чистом поле гигант из земли возникал...», «Игла», «Брат».

Мифопоэтическая концепция мира не просто воспроизводится Ю.Кузнецовым, она рождается в новом качестве. Это новое качество определяется тем, что мир языческих представлений переносится в плоскость современных проблем. Понимание космогонии, единого Творца как мирового центра лежит в основе его аксиологии.

Происходит внешнее расподобление семантического ядра мифа (мифологемы демиург, модель вселенной, верх-низ), что проявляется не только на языковом уровне (ассоциаты **луна – смерть, солнце – глаз, луна – глаз, змея –**

кольцо, гигант – великан, гигант – человек, игла – стрела, игла – перо), но и на уровне означающего. Ассоциативные корреляты расщепляют семантику ядра мифа, инвариантно воплощаясь в различных метафорах, не имеющих общего плана денотации (**череп→кубок, отец→начало, вечный мертвец→спаситель, вечная швея→вечная труженица, гигант→творец**).

Форма мифологического дискурса позволяет автору обратиться к осмыслению этических проблем: соотношения добра и зла, синкретичности мира, являющего диффузность данных категорий. Символы, функционирующие в структуре мифа, эксплицируют идею мифологического дискурса (изначальное присутствие зла, которое является обратной стороной позитивной силы, взаимообусловленность данных этических категорий).

Ментальной основой возникновения элементов модели мира являются как славянские, в том числе русские универсалии (базисные метафоры **Правда→небо, Кривда→земля, поле→простор, игла→смерть**), так и имеющие древнейшие культурно-исторические традиции символические константы (**луна – символ смерти, игла→орудие творения, посох – символ миропорядка, мирового древа**).

Сюжетные стихотворения являются переходной формой от мифа к притче, эксплицируя космологический код (миф) и антропоцентрический (притча) код одновременно. Наиболее продуктивным для восприятия современного человека оказывается наглядно-вербальный социальный компонент (**мужской/женский, старый/молодой, свой/чужой, я/другой**), актуализирующий идею притчевого дискурса (противопоставленность метафор конструируется серией бинарных оппозиций: **он – гаркнул/ я – крикнул; он – могучий сон/я – глубокий сон; он – прогремел/я – гласил**).

В **III главе** «Притчевый дискурс в авторской картине мира Ю.Кузнецова» анализируется притча в поэмах автора как традиционнo-национальная жанровая категория, актуализируемая в тексте символическими доминантами славянской культурной парадигмы. Именно притча рассматривается как такая языковая моделирующая форма, которая неизбежно требует экс-

пликаторов смысла, включенных в памяти читателя в круг привычных ассоциаций, понятных только носителю русской народнопоэтической культуры.

Используя мифологическую модель мира, автор выбирает антропоцентричную парадигму в качестве семантической матрицы поэм. Социальный компонент как наглядно-вербальный оказывается наиболее продуктивным для восприятия современного человека.

В поэме «Змеи на маяке» последовательное введение основных бинарных семантических оппозиций (**верх/низ, сакральное/профанное, добро/зло**) и градуальных серий (**небо/земля, орел/змея, огонь/холод, всевидение/слепота, человек/бог**) эксплицирует обобщенно-философский смысл поэмы.

Универсальная семантическая оппозиция **добро/зло** используется автором для моделирования ситуации последней схватки позитивных сил и мирового зла. Данная оппозиция реализуется на языковом уровне при помощи серии градуальных семиотических пар, выстраивающих иерархию смыслов от конкретного к абстрактному (**огонь/холод** – на основании расщепления семантического ядра лексемы «стальной»); **небо/земля** – на базе денотативного уровня лексем «орел» (выделяется семантическая глосса ‘летающий’) и «змея» (выделяется семантическая глосса ‘ползающий’); **высокое/низкое** – данная бинарная оппозиция является метафорой предыдущей семиотической пары; **небесное/тварное**). В последнем противопоставлении обобщение получает философское осмысление и актуализирует идею оппозитивности в качестве принципа существования мира.

Ситуация последней схватки обыгрывается в традиционной форме эсхатологического мифа, но получает индивидуально-авторское осмысление в парадигме указанных оппозитивных универсалий картины мира Ю.Кузнецова.

В поэме Ю.Кузнецова «Афродита» универсальные оппозиции **сакральное/профанное, мифическое/историческое, цикличное/конечное** выступают в качестве семантической матрицы, которая является смыслопорождающим ядром мифа о рождении божества (Афродиты).

Семантическая матрица функционирует в форме двух поэтических моде-

лей: мифологической и притчевой. Мифологическая модель поэтического текста реализуется в качестве эксплицитно представленного мифа о Богоявлении. Имманентная притчевая модель актуализируется индивидуально-авторской притчей об отказе человека от веры в Бога.

В поэтических текстах Ю.Кузнецова мы находим глубокое переплетение космологического (миф) и антропоцентрического (притча) кода, ориентированного на глубокое единство человека и универсума. Все элементы вселенной, представленные в модели мира, иерархизированы в соответствии с универсальными семиотическими оппозициями:

- пространственные – земля/подземное царство, здесь/там, внешнее/внутреннее (мифологическая парадигма)
- временные – свет/мгла, начало/конец, тогда/сейчас, временное/бесконечное (мифологическая парадигма)
- социальные – мужской/женский, старый/молодой, свой/чужой, я/другой (притчевая парадигма)
- оценочные – плохой/хороший, Добро/Зло, Истина/Правда (притчевая парадигма)

В заключении подводятся итоги исследования, делаются выводы в соответствии с поставленными задачами, намечаются дальнейшие перспективы исследования различных языковых моделирующих форм в художественном тексте.

По теме диссертации опубликовано 14 работ, в том числе:

1. Рахматуллина Э.А. Словообраз «ливень» в поэтике Б.Пастернака на материале цикла «Начальная пора» // Материалы XXXVI Международной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс»: Филология. – Новосибирск: НГУ, 1998. – С. 22.
2. Донецких Л.И., Рахматуллина Э.А. Слово и образ в стихотворениях Ю.Кузнецова «Игла» и «Макбет» // Современные социально-политические технологии: сущность, многообразие форм и внедрение. Материалы V Всероссийской научно-практической конференции. – Ижевск: УдГУ, 1999. – С. 295–299.

3. Донецких Л.И., Рахматуллина Э.А. Мифологическая система как элемент идиостиля в поэтике Ю.Кузнецова // Пятые короленковские чтения: Материалы региональной научной конференции. – Глазов: ГГПИ, 2000. – С. 96–102.
4. Рахматуллина Э.А. Символическая константа в метафорической модели мира в поэме Ю.Кузнецова «Змеи на маяке» // Теория языкознания и русистика: наследие Б.Н.Головина. Сборник статей по материалам международной научной конференции. – Нижний Новгород: НГУ, 2001. – С. 266–269.
5. Рахматуллина Э.А. Социальный компонент авторской модели мира Ю.Кузнецова // Проблемы концептуализации действительности и моделирования языковой картины мира. Материалы международной научной конференции. – Архангельск: Поморский гос. ун-т, 2002. – С. 197–200.
6. Рахматуллина Э.А. Символическая константа в мифологизированной модели мира (на материале поэмы Ю.Кузнецова «Змеи на маяке») // Вестник УдГУ. – 2002. – № 6 – С. 97–103.
7. Рахматуллина Э.А. Формы репрезентации языковой картины мира в художественном тексте // Неделя молодежной науки Удмуртской Республики. Тезисы докладов III Межвузовской научной конференции студентов и молодых ученых. – Ижевск: УдГУ, 2003. – С. 100–101.
8. Рахматуллина Э.А. Комплексная реконструкция мифологической и антропоцентрической парадигмы в стихотворениях Ю.Кузнецова // Подходы к изучению текста: Материалы Международной конференции студентов, аспирантов и молодых преподавателей. – Ижевск: УдГУ, 2003. – С. 76–85.
9. Рахматуллина Э.А. Доминантные поэтические модели мира как концептуализация культурной парадигмы в творчестве Ю.Кузнецова // Лингвистические и эстетические аспекты анализа текста и речи: Сборник статей Всероссийской (с международным участием) научной конференции. Т. 2. – Соликамск: СГПИ, 2002. – С. 540–546.
10. Рахматуллина Э.А. Репрезентация языковой картины мира в художественном тексте Ю.Кузнецова // Вестник УдГУ. Филологические науки. – Выпуск 2. – Ижевск, 2003. – С. 69–79.